

Все остальные при виде талисмана безудержного хохота высшего качества лишь восхищались руническим даром Юнь Фэймяо, и только Янь Янь судорожно дрожал от страха.

Насколько ему было известно, Юнь Фэймяо и Гун Чжоу прибыли с Западного континента и ладили друг с другом весьма недурно, а значит, Юнь Фэймяо ни за что не стал бы использовать Гун Чжоу в качестве подопытного кролика!

Выходило, что пострадавшей стороной окажется именно он, уроженец Южного континента?

И действительно, у Юнь Фэймяо не поднялась рука на Гун Чжоу, зато с Янь Янем он церемониться не стал.

А всё потому, что в его вещих снах у Янь Яня объявился двоюродный брат по имени Янь Янь-младший, который в будущем сделался полюбовником Ло Шуанбая и к тому же приложил руку к гибели Гун Чжоу.

Сам Янь Янь, хоть и не принадлежал к числу предателей, способных ударить соучеников в спину, отличался редкостным простодушием, если не сказать глупостью!

В будущем этот павлин, сам того не замечая, выболтает Янь Яню-младшему абсолютно всё подноготную о Гун Чжоу, чем несказанно облегчит тому задачу по выстраиванию ловушек и капканов.

Юнь Фэймяо рассудил, что ему просто необходимо дать Янь Яню прочувствовать на собственной шкуре, насколько опасен и коварен мир практикующих, пока тот не успел наступить на те же грабли.

Глядя на приближающегося шаг за шагом Юнь Фэймяо, Янь Янь в полном отчаянии зажмурил глаза.

В следующее мгновение дикий, безудержный хохот невольно вырвался из его горла.

— А-ха-ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха-ха-ха! А-ха-ха-ха-ха, кхе-кхе, ха-ха!..

Янь Янь сам обалдел от собственного смеха: неужели со стороны его хохот звучит именно так?

В обычное время захотелось посмеяться — взял да посмеялся, никто особо не прислушивается. Но сейчас, когда это происходило помимо его воли, он ухитрился уловить пару интонаций, и звук оказался донельзя режущим слух!

Он ведь завжди считал себя вполне приличным и благородным человеком!

Отчего же его смех так сильно смахивает на злодейский?

Какое счастье, что книжные злодеи обычно издают утробное зловещее кряхтение, которое мало походило на его раскатистое «ха-ха-ха» да «кхе-кхе», иначе ему вовек бы не отмыться от подозрений.

Многие в аудитории невольно заразились этим смехом, но под суровым взором старейшины Фушоу никто не смел издать ни звука. Отчаянно сдерживаясь, ученики едва ли не корчились от рези в животах, из последних сил стараясь сосредоточиться на рисовании рун.

Вот только преуспеть в этом деле удалось немногим. Если не считать Сюэ Бинъянь с пика Цзяньинь и Лу Баобао с пика Цзяньшоу, из-под чьих кистей вышло по одному талисману

низшего качества, у остальных дело не продвинулось ни на йоту.

Старейшина Фушоу недовольно нахмурился: он прекрасно знал, что некоторые личные ученики отнюдь не были обделены талантом к талисманостроению, им просто-напросто было до лампочки это искусство. А раз они учились без малейшего усердия, то и результат выходил соответствующий.

Однако устав секты Ванцзянь строго-настрого запрещал наставникам принуждать подопечных к учебе, позволяя лишь давать благие советы.

Поэтому, как бы старейшина Фушоу ни сердился, ему оставалось лишь проигнорировать ленивую ораву и переключить всё свое внимание на трех готовых к обучению росточков.

Зная, что в роду Юнь практически не рождалось умельцев, не способных начертать руну, он перевел взгляд на двух оставшихся девушек:

— Вы двое, стало быть, питаете интерес к талисманам?

Сюэ Бинъянь ответила как на духу:

— Ученица не сказать чтобы увлечена этим искусством, но мне дозарезу нужны талисманы усиления и поглощения звука. Подобные вещи редко встретишь в лавках, купить их — задача не из легких, вот мне и приходится учиться мастерить их самой.

Лу Баобао согласно закивала головой:

— Всё именно так! Нам, новичкам в деле укрощения зверей, тоже позарез требуются талисманы призыва и отпугивания тварей. Если научиться делать их самостоятельно, можно избавить себя от кучи хлопот.

Старейшина Фушоу удовлетворенно кивнул:

— Если бы все личные ученики обладали подобной сознательностью, было бы просто замечательно. Лишнее умение карман не тянет, все прикладные искусства тесно переплетены между собой и способны дополнять друг друга. Пока дело не доходит до глухого непонимания, я настоятельно советую каждому из вас освоить хотя бы азы.

Гун Чжоу тем временем с укоризной взирал на старейшину Фушоу, мысленно сокрушаясь: «Да я бы с радостью поучился, так вы хоть освободите меня для начала!»

Увы, говорить он не мог, а потому под действием талисмана безудержного хохота низшего качества мог лишь тихонько выдавливать из себя: «Хи-хи-хи...»

Второй талисман обездвиживания низшего качества, вышедший из-под кисти Сюэ Бинъянь, оказался наклеен на Се Яна. Впрочем, сила его действия была весьма ничтожной: пускай Се Ян и не мог совершать размашистых движений, его пальцы сохраняли подвижность, да и ногой он вполне мог шевелить.

Сам Се Ян вовсе не горел желанием дрыгать конечностью, однако старейшина Фушоу рассудил, что подобное упущение не позволит создателю талисмана узреть свои помилки. А потому он велел Се Яну всенепременно начать трясти ногой, дабы продемонстрировать аудитории предел эффективности слабой руны.

Се Яну нічого не оставалось, кроме как, сгорая от стыда, раз за разом выполнять приказ наставника.

Видит бог, ему никогда прежде не доводилось совершать столь нелепых движений. Поначалу его нога ходила ходуном донельзя деревянно, за что он тут же удостоился нагоняя от старейшины Фушоу — мол, подобное исполнение вводит соучеников в заблуждение, мешая им составить верное представление о собственном уровне, что в будущем может сослужить им дурную службу...

Юнь Фэймяо впервые в жизни видел Се Яна, трясущего ногой. Он едва сдерживал разбиравший его смех, изо всех сил стараясь не издавать ни звука.

Он и сам понимал, что поступает некрасиво, но видеть, как на вечно невозмутимом и холодном лице Се Яна проступает выражение полнейшей безысходности и тоски по несбывшемуся, было невыразимо забавно.

Впрочем, памятуя об их давней детской дружбе, Юнь Фэймяо рассудил, что обязан поскорее вызволить товарища из цієї пучины позора. А потому он в мгновение ока начертил талисман обездвиживания высшего качества и, улучив момент, когда Се Ян опустил голову так низко, что видна была лишь его макушка, ловким движением припечатал бумагу к его телу.

Се Ян тут же замер как вкопанный и мысленно перевел дух: наконец-то можно прекратить эту попытку!

Он вскинул взгляд на Юнь Фэймяо, безмолвно выражая глубокую признательность, и тот ответил ему понимающей улыбкой.

Старейшина Фушоу прекрасно видел их маленькие хитрости, но развивать тему не стал.

В конце концов, лекция уже близилась к завершению, да и среди остальных личных учеников желающих повторить подвиг с талисманом обездвиживания не наблюдалось, так что можно было даровать парню избавление.

Вот только, стоило уроку закончиться, старейшина Фушоу поспешил отправиться к главе секты ради доклада.

Чувства практикующих отличались феноменальной чуткостью, что уж говорить о мастере стадии Слияния Пустоты! Разве могли два юнца стадии Очищения Ци шушукаться у него под самым носом так, чтобы он нічого не заметил?

Даже с учетом того, что ребята общались посредством прямой передачи мыслей вслух, старейшина расслышал каждое слово до единого.

И фраза Се Яна о том, что его жизнь и смерть отнюдь не находятся в его собственной власти, определенно указывала на какую-то серьезную проблему!

Коли у обладателя небесного духовного корня за душой имелись подобные тайны, это автоматически становилось делом государственной важности для всего ордена Ванцзянь. Следовало всенепременно докопаться до сути и ни в коем случае не допустить, чтобы с Се Яном что-нибудь случилось.

В конце концов, слухи о том, что в нынешний призыв орден заполучил аж три с половиной обладателя небесного корня (Сыту Синь с его угасающим даром шел за половинку), уже успели

разлететься среди недоброжелателей, и теперь множество сил и фракций пристально наблюдали за каждым шагом секты Ванцзянь.

И пускай остальные шесть великих орденов тоже обзавелись по одному гениальному преемнику, три с половиной самородка под крылом одной секты — это было слишком вызывающе.

Случись с кем-то из новоприбывших гениев беда, весь орден Ванцзянь в один миг превратится в посмешище для всего мира практикующих.

И пускай чужие насмешки их мало трогали, внезапное появление стольких талантов явно свидетельствовало о том, что каждому из них предначертана своя особая миссия.

Если они потеряют хотя бы одного, то в будущем могут попросту не сдюжить перед лицом грядущего бедствия.

Посему, едва прозвенел звонок, старейшина Фушоу поспешил на пик Цзяньцан, дабы переговорить с главой секты Цзи. Выслушав доклад, глава Цзи сурово нахмурился.

— Я еще во время первой встречи подметил, что у этого мальчика на душе лежит тяжкий груз, но никак не думал, что дело дошло до неспособности распоряжаться собственной жизнью.

Подобные симптомы обычно указывали на наложенное проклятие, но будь оно так, глава секты непременно разглядел бы следы чужого вмешательства. Однако, сколько он ни приглядывался к парню, кроме некоторых странностей в его ауре удачи, ничего подозрительного обнаружить не удавалось.

— Розділ, как нам поступить в сложившейся ситуации? — испросил указаний старейшина Фушоу.

— Пока мы не проясним все обстоятельства, остается лишь поручить Юаньчэню, Яньшу и младшему брату Сяо приглядывать за ним повнимательнее.

Старейшина Фушоу счел это решение не совсем верным:

— Юаньчэнь и Яньшу всё же принадлежат к младшему поколению, а владыка пика Сяо вечно занят своими...

— Хоть младший брат Сяо и любит порой подурачиться, в серьезных делах на него завжды можно положиться, уж поверь мне, — глава секты Цзи махнул рукой, прерывая возражения. — Ступай к себе и смотри не проговорись перед детьми. Я приму это к сведению.

На самом деле никакого четкого плану у него не было, но что еще ему оставалось делать, раз он пребывал в полном ведении? Пытаться силой вытянуть из мальчишки признание было глупо и нереалистично, это могло лишь спровоцировать волну протеста.

Сейчас оставалось лишь передать эти сведения младшему брату Сяо в надежде, что тот проявит к своему ученику чуть больше отеческой заботы и тепла, дабы расположить к себе юного Се Яна и заставить того раскрыть душу.

Вскоре послание от главы секты Цзи легло на стол владыки пика Сяо.

Едва пробежав глазами по строчкам, владыка Сяо недовольно насупился:

— Это что же, мне теперь прикажут примерить на себя личину любящего и понимающего наставника? С чего бы вдруг? Я ведь совершенно не создан для подобных нежностей!

Он чисто инстинктивно решил переложить заботу на плечи своего первого ученика и зычно крикнул:

— Цзюньчжань, а ну живо дуй сюда! У твоего учителя к тебе дело на миллион!

<http://bllate.org/book/17668/1662714>